

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х42

Серия «Психологический триллер»

Julia Heaberlin
BLACK-EYED SUSANS

Перевод с английского *Е. Романовой*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Хиберлин, Джулия.

Х42 Янтарные цветы : [роман] / Джулия Хиберлин ; [пер. с англ. Е. Романовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-117353-1

1995 год. Шестнадцатилетняя Тесса Картрайт найдена едва живой на цветущем поле янтарных рудбейки, в общей могиле, где серийный убийца прятал тела своих жертв. И именно ее показания помогли посадить за решетку и приговорить к смерти человека по имени Террелл Дарси Гудвин.

2012 год. Всего через месяц приговор в отношении Гудвина будет приведен в исполнение. И тут перед окном Тессы появляются неизвестно кем высаженные рудбейки. Кто же это сделал? Подражатель Гудвина? А может быть, тогда, много лет назад, истерзанная пережитым ужасом, неспособная связно мыслить девчонка осудила на смерть невиновного, а маньяк так и остался на свободе? Единственный, кто готов помочь Тессе разобраться в случившемся, — адвокат Гудвина. А между тем Тесса получает зловещие «подарки» снова и снова...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Julia Heaberlin, 2015
Школа перевода Баканова, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-117353-1

*Посвящаю Сэму.
Тому, кто изменил мою жизнь*

Пролог

На тридцать два часа я полностью выпала из жизни. Ничего не помню.

Моя подруга Лидия советует представить эти часы в виде вороха старой одежды в темном чулане. Закрываю глаза. Открываю дверь. Роюсь в вещах. Ищу.

То, что все-таки осталось в памяти, я предпочла бы забыть. Четыре веснушки. Глаза — не черные, а голубые, широко раскрыты в двух дюймах от моего лица. Насекомые вгрызаются в нежную щеку. Скрип песка на зубах. Это я помню.

Сегодня мне исполнилось семнадцать; на столе передо мной — торт с зажженными свечами.

Крохотные язычки пламени как будто машут мне, умоляя поторопиться. Перед глазами стоят лишь Черноокие Сюзанны в холодных железных ящиках. Сколько я ни мылась, ни скребла себя, отмыть их запах невозможно. Они всегда со мной.

Веселись.

И загадай желание.

Я натягиваю улыбку и заставляю себя собраться с мыслями. Все присутствующие любят меня и хотят, чтобы я вернулась.

Надеются, что однажды я стану прежней Тесси.

Только бы никогда не вспоминать. Никогда.

Я прикрываю глаза и задуваю свечи.

Часть I
ТЕССА И ТЕССИ

Зла мачеха зарезала меня;
Отец родной не ведает о том;
Сестрица же Марлиночка меня
Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла*.

Десятилетняя Тесси читает вслух
«Тюльпанное дерево», 1988 год

* Перевод В. Жуковского.

Тесса сегодня

Не знаю, хорошо это или плохо, но я отправляюсь по извилистой тропинке в свое детство.

Дом стоит криво-косо на вершине холма, словно построенный ребенком из кубиков и рулонов туалетной бумаги. Дымовая труба придает ему причудливый наклон, а по бокам торчат башенки, похожие на готовые взлететь ракеты. В одной из них я раньше спала — и представляла, что лечу в открытый космос.

Моему младшему брату это не нравилось, но я регулярно вылезала из окна на черепичную крышу и, сдирая без того разодранные коленки, хватаясь за уши горгулий и подоконники, ползла на смотровую площадку. Там я прислонялась к затейливым перилам и окидывала взглядом ровные безбрежные тexasские просторы и звезды над моим царством. Играла на флейте ночным птицам. Ветер теребил мою белую ночную сорочку, и я была похожа на странную голубку, присевшую на крышу замка. Прямо как в сказке — да я и чувствовала себя героиней сказки.

В этом безумном сказочном домике жил мой дед. Но построил он его не для себя, а для внуков — меня и Бобби. Дом вышел небольшой, однако я до сих пор не понимаю, где он взял на него деньги. Каждому досталось

по башне — то было укромное местечко, где мы могли при желании спрятаться от всего мира. По замыслу деда, этот щедрый подарок, наш собственный «диснейуорлд», должен был отвлечь нас от мыслей о маме. Которая умерла.

Вскоре после смерти деда бабушка попыталась избавиться от дома, но продать его удалось лишь много лет спустя, когда она и сама уже лежала в могиле — между мужем и дочерью. Никто не хотел здесь жить. Дом был странный. Проклятый. Злые языки сделали его таким.

После того как меня нашли, во всех газетах и на телевидении появились фотографии дедушкиного дома. Местные репортеры окрестили его замком братьев Гримм, а люди стали шептаться, будто дед каким-то образом причастен к моему исчезновению — и к убийству Чернооких Сюзанн. «Тени Майкла Джексона и «Неверленда», — судачил народ, даже когда год спустя предполагаемому убийце вынесли смертный приговор. Эти же люди на Рождество привозили сюда своих ребятишек — полюбоваться на сказочный пряничный домик и угоститься леденцами, которые мой дедушка оставлял в корзине на крыльце.

Я нажимаю кнопку звонка. Раньше он играл «Полет Валькирий», но теперь, конечно, это самый обычный звонок. Я не знаю, чего ждать. Дверь открывается, и меня берет оторопь — настолько подходят дому его нынешние пожилые хозяева. Пухлая остроносая хаусфрау в косынке напоминает старушку в башмаке из детского стишка.

Краснея и запинаясь, я произношу вслух свою просьбу. Во взгляде хозяйки мелькает узнавание, поджатые губы слегка смягчают-

ся. Она замечает шрамик в форме полумесяца у меня под глазом. «Ах, бедная деточка», — читаю я на лице старухи, хотя с тех пор минуло восемнадцать лет и я успела обзавестись собственной деточкой.

— Меня зовут Бесси Вермут, — говорит она. — А это мой муж Херб. Проходи, голубушка.

Херб опирается на трость и хмурит лоб. Подозревает неладное, сразу видно: все-таки я чужой человек. Хотя он отлично знает, кто я такая. На пятьсот миль вокруг не встретишь человека, который бы меня не знал. Я — девчонка Картрайт, однажды погребенная живьем на поле Дженкинса — вместе с задушенной студенткой и грудой человеческих костей.

Я — звезда скандальных газетных заголовков и детских страшилок.

Одна из четырех Чернооких Сюзанн. Та, которой *повезло*.

— Я всего на пару минут, — заверяю старичков.

Мистер Вермут хмурится, а миссис Вермут говорит: «Конечно-конечно, милая!» Ясно, кто в этой семье принимает все важные решения — когда пора стричь газон и как поступить с рыжеволосой бестией, околачивающейся на пороге их дома.

— Только вы уж как-нибудь сами, без нас, — ворчит старик, открывая дверь пошире.

— Мы в подвал почти не спускаемся, — поспешно добавляет миссис Вермут. — Очень сыро, да и ступеньки прогнили. Не хватало только что-нибудь себе сломать. Возраст такой, сами понимаете... Повредишь какую-нибудь малость — и загремишь на месяц в «Перли гейтс». Если хочешь жить — в больницу после шестидесяти пяти ни ногой...

Пока она глаголет мрачные истины, я как вкопанная стою посреди гостиной и невольно ищу взглядом знакомые вещи. Тотем, который мы с Бобби однажды вырезали сами, без присмотра взрослых — дело обошлось всего одним визитом в травмпункт. Дедушкину картину: мышонок плывет по страшному бурливому океану на крошечной лодочке под парусом из носового платка. Конечно, ничего этого здесь давно нет.

Теперь на месте мышонка — репродукция картины Томаса Кинкейда. В комнате ютятся два дивана в цветочек и миллион безделушек, занимающих все полки и ниши. Немецкие пивные кружки, подсвечники, фарфоровые куклы, хрустальные бабочки и лягушки, по меньшей мере пятьдесят расписных чайных пар, фарфоровый клоун с черной слезой на щеке. Все они, подозреваю, целыми днями напролет гадают, как их угораздило оказаться в одной комнате.

Тиканье настраивает на мирный лад. Одна из стен занята антикварными часами, которых тут по меньшей мере десяток. Двое — в виде кошек с мерно покачивающимися хвостами.

Я понимаю, почему миссис Вермут выбрала наш дом. В каком-то смысле она такая же, как мы.

— Ну, пойдемте.

Я послушно иду за ней по узкому змеящемуся коридору. В детстве я могла проехать здесь на роликах в полной темноте. По пути миссис Вермут включает свет, и меня вдруг посещает чувство, что я иду напрямиком в камеру смерти.

— По новостям говорят, его казнят через пару месяцев...

Я подсакиваю. Сиплый прокуренный голос за моей спиной принадлежит мистеру Вермуту. Он словно прочел мои мысли.

Я молчу, пытаюсь проглотить ком в горле. Сейчас он спросит, буду ли я сидеть в первом ряду и смотреть, как эта сволочь загибается. Но старик лишь неловко хлопает меня по плечу.

— Я бы не пошел. Слишком велика честь.

Я ошиблась насчет Херба. Это не первая моя ошибка — и, конечно, не последняя.

Внезапно я со всего маху врезаюсь головой в очередной угол, потому что смотрю не вперед, а на Херба.

— Ничего-ничего, — успокаиваю миссис Вермут. Она поднимает руку, но медлит, боится погладить мою ушибленную щеку, потому что рядом — шрам, отметина от рубинового кольца, что болтался на голой кости моей соседки по могиле. Подарок от Сюзанны на вечную, вечную память. Я тихонько отстраняю руку миссис Вермут. — Забыла про этот поворот, надо же!

— Не дом, а безумие какое-то, — бормочет Херб. — И чем ей не угодил Сент-Пит?! — Вопрос явно риторический. Моя щека начинает болеть, и шрам тут же отзывается эхом: тоненькое *динь-динь-динь*.

Коридор наконец выпрямляется. В конце видна обычная дверь. Миссис Вермут достает из кармана фартука ключ и легко проворачивает его в замке. Раньше таких ключей в доме было двадцать пять, все совершенно одинаковые и подходящие ко всем внутренним дверям. Что ни говори, у моего деда были странные представления о практичности.

Нас обдаёт подвальным холодом. Снизу доносятся запахи гнили, смерти и другой жизни. Впервые за час — с тех пор, как я выехала из дома, — меня начинают одолевать сом-

нения. Миссис Вермут поднимает руку и дергает за веревку от воздушного змея, что приплясывает в воздухе над ее головой. Внизу загораются голая пыльная лампочка.

— На-ка, возьми! — Мистер Вермут сует мне крохотный фонарик. — Я его ношу с собой для чтения. Знаешь, где главный выключатель?

— Да, — машинально отвечаю я. — В конце лестницы.

— Аккуратней с шестнадцатой ступенькой, — предостерегает миссис Вермут. — Какая-то тварь прогрызла в ней дыру. Я обязательно считаю вслух, когда спускаюсь. Можешь не спешить. Я пока заварю чайку — расскажешь нам про дом, хорошо? Мы оба с удовольствием послушаем. Верно, Херб?

Херб хмыкает, наверняка с тоской представляя, как одним ударом клюшки отправляет белый мячик в синее флоридское море.

На второй ступеньке я замираю и оборачиваюсь. Если кто-нибудь сейчас закроет дверь, меня не найдут и за сотню лет. После встречи со смертью я отнюдь не стала ее недооценивать — разумеется, она еще вполне может добраться до везучей шестнадцатилетней девчонки.

Миссис Вермут глупо машет мне ручкой.

— Удачных поисков! Видно, вам и впрямь очень нужна эта вещь.

Мой последний шанс на спасение? Что ж, я его упустила.

Шумно, как ребенок, сбегая вниз по лестнице, перепрыгивая шестнадцатую ступеньку. Внизу дергаю еще одну веревочку — и подвал мгновенно озаряется резким светом флуоресцентных

Пустая могила. Раньше подвал был местом, где все оживало: здесь стояли мольберты с незаконченными картинами, а на перфорированных панелях висели странные жутковатые инструменты. За занавеской справа располагалась темная комната, проявочная, а по углам пили чай манекены. Мы с Бобби могли поклясться, что не раз видели, как они шевелятся.

В башне из старых коробов хранились нелепые антикварные шляпы, завернутые в папиросную бумагу, свадебное платье моей бабушки (расшитое ровно 3002 жемчужинками) и военная форма дедушки со времен Второй мировой. На рукаве формы имелось круглое коричневое пятнышко — мы с Бобби не сомневались, что это кровь. Мой дедушка был сварщиком, фермером, историком, художником, вожатым, штатным фотографом морга, стрелком-пехотинцем, краснодеревщиком, республиканцем и отъявленным демократом. Поэтому. Все не мог определиться, кем быть, — именно так теперь говорят про меня.

Дедушка настрого запретил нам спускаться сюда без взрослых — и не знал, что мы все равно спускались. Соблазн был слишком велик. Особенно нас завораживал запретный черный фотоальбом со снимками, который дедушка делал на местах преступлений, работая в окружном морге. Молодая женщина с широко раскрытыми глазами и проломленным черепом (весь линолеум на кухне забрызган ее мозгами). Голый утопленник-судья, вытасченный на берег своим псом.

Я смотрю на плесень, жадно пожирающую стены подвала. В больших трещинах, зигзагами исчертивших грязный бетонный пол, цветет черный лишайник.

Никто не любил это место с тех пор, как умер де-душка. Я быстро прохожу в дальний угол и проскальзываю в щель между стеной и угольной печкой, которой почти не пользовались. Что-то легко пробегает по моей ноге. Скорпион? Таракан? Я даже не вздрагиваю. По моему лицу ползало и что похуже.

За печкой совсем темно. Я включаю фонарик, веду лучом по стенке и нахожу закопченный кирпич с красным сердечком — я нарочно его нарисовала, чтобы обдурить братца, когда тот за мной шпионил. Трижды поглаживаю сердечко.

Затем отсчитываю десять кирпичей от красной отметины — сюда маленький Бобби не дотянулся бы. Вгоняю отвертку в осыпающийся раствор и начинаю раскачивать кирпич. Первый вываливается и с грохотом падает на пол. Один за другим я достаю еще три.

Потом заглядываю в дыру, освещая ее фонариком.

Тягучая паутина, похожая на детские рисунки, какие делают на вертящихся листах бумаги. А в глубине — квадратный темный сверток.

Семнадцать лет он ждал меня в тайнике, который я сделала специально для него.

Тесси, 1995

— Тесси, ты меня слушаешь?

Он, как и все остальные, задает на редкость дурацкие вопросы.

Я отрываюсь от журнала, который очень кстати оказался рядом со мной на диване.

— Нет. Не вижу смысла.

Нарочно перелистываю страницу — чтобы его ползить. Он прекрасно понимает, что я не читаю.

— Тогда зачем ты пришла?

В воздухе повисает тишина. Тишина — мой единственный инструмент контроля в этой веренице бессчетных психотерапевтических встреч. Наконец я отвечаю:

— Сами знаете зачем. Мой отец так хочет.

Затем, что всех остальных докторов я уже послала к черту. Затем, что мой папа раздавлен горем и я не могу на это смотреть.

— Брат считает, я изменилась.

Лишняя информация. Когда я уже начну учиться на своих ошибках?

Ножки его стула тихонько поскрипывают по деревянному полу — он меняет положение тела. Готовится к прыжку.

— А ты как считаешь?

Предсказуемо. С гримасой отвращения на лице я снова утыкаюсь в журнал. Страницы холодные, гладкие и плотные. Пахнут приторными духами. В таких журналах обычно полным-полно костлявых злых девиц. *Вот такую девицу он во мне и видит.* За прошлый год я скинула двадцать фунтов. Мышцы почти атрофировались, а ведь я была одной из лучших бегуний школы. Правая нога после третьей по счету операции замурована в новенький свинцовый гипс. Грудь распирает горячий пар ярости. Я втягиваю воздух. У меня одна цель: полностью избавиться от чувств.

— Хорошо, — уступает врач. — Глупый вопрос. — Он, судя по всему, внимательно за мной наблюдает. — Тогда задам другой: почему ты выбрала меня?

Я опускаю журнал. Пытаюсь напомнить себе, что он наверняка сделал для меня исключение — возможно, оказал добрую услугу